

И.В. Тубалова

Томский государственный университет

**Текст народно-речевой культуры
как полифоническая структура**

Аннотация: В статье устный бытовой дискурс рассматривается как полифоническая среда, включающая множество внешне не маркированных «чужих голосов», прочитываемость которых определяется конкретно-речевыми условиями коммуникации. Анализ текстовой полифонии осуществляется в рамках проблематики полидискурсивности и обнаруживает зависимость осуществления полифонических включений от свойств как результирующей текстовой среды (бытового дискурса), так и среды прототекстовой (официально-деловой, поэтической, фольклорной и др.).

The article describes oral everyday life discourse as a polyphonic environment, including a multitude of explicitly non-marked “strange voices”, the perception of which depends on definite speech conditions of communication. The text polyphony analysis is carried out within the framework of polydiscourse problems and shows the dependency of polyphonic formations insertions from the features of the resulting text environment (everyday life discourse) and the prototext environment (official, poetic, folklore, etc.)

Ключевые слова: полифонический текст, прототекст, повседневный дискурс, постмодернизм.

Одним из аспектов в рамках современного подхода к анализу речевого произведения является рассмотрение этого произведения как результата коммуникативной деятельности его автора и его слушателя/читателя. В рамках такого подхода важным оказывается понимание текста в его пространственно-временной конкретности, представление о том, что «текст ощущается только в процессе работы, производства» [Барт, 1994, с. 415].

Актуализация данного аспекта проявлена в работах М. Бахтина, характеризовавшего текст как «высказывание, включенное в речевое общение (текстовую цепь) данной сферы», как «своеобразную монаду, отражающую в себе все тексты (в пределе данной смысловой сферы)» [Бахтин, 1979, с. 327].

М. Бахтин указывает при этом на наличие у текста двух «полюсов», один из которых демонстрирует, что «за каждым текстом стоит система языка. В тексте ей соответствует все повторенное и воспроизведенное и повторимое и воспроизводимое, все, что может быть дано вне данного текста (данность)» [Там же]. Другой же полюс текста, по М. Бахтину, «связан не с элементами (повторимыми) системы языка (знаков), но с другими текстами (неповторимыми) особыми диалогическими (и диалектическими при отвлечении от автора) отношениями» [Там же].

Содержание текстопорождающей коммуникативной деятельности предполагает такую организацию речепроизводства, при которой говорящий, опираясь на систему языковых моделей, конструирует собственный речевой поток с использованием различного рода «готовых» речевых отрезков, использованных в соответствии как с «исконным» – приобретенным в процессе их предшествующего функ-

ционирования – содержанием, так и с тем смысловым компонентом, который был «прочитан» автором текста в момент включения в собственное речевое произведение. Кроме того, восприятие такого нагруженного «дотекстовым» смыслом фрагмента может быть по-разному воспринято потребителем речевого произведения – слушающим.

Все это позволяет представить любое речевое произведение как полифоническую структуру, где многоголосье смыслов определяется: 1) содержанием «дотекстовой» информации, приобретенной в процессе предшествующего функционирования его компонентов; 2) содержанием, актуальным в данных конкретных пространственно-временных условиях в момент его создания (осознанно или неосознанно актуализируемым автором речевого произведения); 3) содержанием, также актуальным в данных конкретных условиях с позиции восприятия речевого произведения.

Традиция восприятия текста как полифонической структуры восходит к работам М. Бахтина, Ю. Лотмана, активно развивается в рамках французского постструктурализма (Р. Барт, Ю. Кристева).

Одним из наиболее активных способов полифонической организации текста является «интертекст», «чужое слово <...> разной степени чужести и разной степени освоенности, разной степени осознанности и выделенности. Эти чужие слова приносят с собою и свою экспрессию, свой оценивающий тон, который осваивается, перерабатывается, переакцентируется нами» [Бахтин, 1986, с. 269].

Интертекстуальная природа текста активно исследуется в рамках художественной коммуникации (см. работы И.В. Арнольд, Г.В. Денисовой, Н.А. Кузьминой, Н.А. Фатеевой и др.). Одним из аспектов исследования «чужого слова» является выявление его синергетических свойств (Г.Г. Москальчук и др.).

В данной исследовательской парадигме актуальным является положение о взаимодействии двух текстов – текста-источника и текста результирующего. При анализе интертекстуальных связей в художественном произведении Н.А. Кузьмина определяет указанную парную модель как прототекст и метатекст, где метатекст есть «текст о тексте, текст “второй степени”, <...> соответственно, прототекст – это базовый текст, с опорой на который создается метатекст» [Кузьмина, 2004, с. 26].

Применительно к текстам нехудожественным исследования проявлений «чужого слова» сводятся, в основном, к анализу прецедентности, оформленной в тексте с помощью конкретных метатекстовых показателей (цитация, чужая речь) (см. работы М.В. Китайгородской, Е.А. Поповой, А.А. Проскуриной и др.). Способы маркирования чужого интертекстуального пространства на материале семейных нарративов, семейных родословных исследуются в работах А.А. Павловой. В дискурсивном аспекте интертекстуальность рассматривается в работах В.И. Чернявской.

Анализ полифонической структуры текстов нехудожественной коммуникации требует учета специфики такого рода деятельности. В первую очередь, это связано с тем, что природа формирования полифонической структуры художественного произведения носит в значительной степени осознанный характер и требует соответствующего – осознанного – читательского восприятия. В относительно свободно организованной текстовой деятельности (бытовой дискурс) уровень контролируемости «чужого голоса» оказывается значительно ниже, а отсюда – малая степень его оформленности в речевом произведении, невозможность, более того, неактуальность определения конкретного прототекста.

Тексты нехудожественной коммуникации демонстрируют разную степень «прочитываемости» полифонических включений. Подготовленный текст – реализованный в СМИ, в различного рода буклетах, листовках, специально разработанная публичная речь – приближается в этом отношении к тексту художественному. Письменная форма подготовленных проявлений нехудожественной коммуника-

ции, в свою очередь, содержит большее количество прочитываемых полифонических включений, чем устная.

В зоне внимания представляемого исследования – «прочитываемость» «чужих голосов» в устной форме реализации бытового дискурса.

Рассмотрим специфику реализации «чужих голосов» в диалектном и городском бытовом дискурсе применительно к полифоническим включениям, в том числе не оформленным с помощью метатекстовых операторов.

При выявлении полифонических включений в текстах нехудожественной коммуникации необходимо учитывать дискурсивно значимые параметры их реализации.

Особенности выявления полифонических включений **диалектного текста** определяются спецификой диалектной речи как принципиально устной формы бытования языка, особым типом народно-речевой культуры.

Применительно к диалектному бытовому дискурсу значимыми оказываются такие параметры, как характеристика субъекта речи (возраст и пол информанта, его жизненный опыт, часто зафиксированный, хоть и в отрывочном состоянии, в имеющихся записях¹), характеристика ее адресата (чаще всего – собирателя диалектной речи), особенности ситуации общения с адресатом (в имеющихся записях – в основном бытовой диалог), социокультурная ситуация, включающая весь комплекс социальных стереотипов жителя деревни в определенное время и т.д.). Следует также признать и учитывать ограниченность возможности «проникновения» исследователя в текст в связи с разносистемностью его и автора текста языкового существования.

Особую роль играет и индивидуальный речевой опыт говорящего, его речевой арсенал, включающий характерные для его коммуникативного поведения элементы.

Методика выявления полифонических включений строится на обнаружении двух противоположных сущностей: во-первых, различного рода диссонансных по отношению к исходному тексту проявлений и, во-вторых, выражений устойчивых, лингвистически освоенных в данной культуре или в речевом арсенале конкретной языковой личности. При этом обнаружение непосредственно прототекста (в терминологии Н.А. Кузьминой) оказывается возможным в крайне редких случаях, поэтому для обозначения источника полифонии будем использовать термин «прототекстовая среда» как текстовая область той или иной степени ограниченности, из которой произведено заимствование.

Все выявляемые в процессе анализа диалектного текста полифонические включения можно разделить на два типа: (1) имеющие в качестве референции некоторую отличную от исследуемой текстовую (прототекстовую) среду и только через ее посредство апеллирующие к соответствующей культурной среде (с позиции исследователя обнаруживающие диссонанс в данном дискурсе) и (2) напрямую апеллирующие к культурной среде текстовым способом – «готовые», «дотекстовые» выражения той или иной степени устойчивости, функционирующие в рамках данного дискурса как органичные.

Включения первого типа в наибольшей степени заслуживают терминологического определения «чужие голоса». Их «чуждость» определяется, в первую очередь, статусом, несоответствующим устной форме речи вообще и диалектной речи в частности.

При выявлении полифонических включений первого типа исследователь может обнаружить следующие виды диссонансных проявлений: несоответствие

¹ Для анализа привлекались записи диалектной речи, собранные студентами и сотрудниками ТГУ в разные годы, а также материалы альманаха «Слово» (см.: [Слово, 2005; 2006; 2007].

стиля (в широком его понимании) речи стилю среды погружения и несоответствие искомого фрагмента речевому арсеналу субъекта речи.

Среди рассматриваемых выражений, демонстрирующих стилистическое несоответствие среде погружения, значительную часть составляют полифонические включения, отсылающие к официально-деловой, «канцелярской» прототекстовой среде. Полифонический статус выделенных текстовых фрагментов в подобных случаях нередко подтверждается видоизменением его исходной языковой формы. В содержательном отношении референциальная принадлежность «канцелярских» включений может иметь различное психологическое обоснование – способствовать повышению достоверности сообщения (*Граница по реке Анус, там **населены казаки** были...*), актуализировать негативную оценку официальной государственной доктрины (*Колхозов не было, потом колхозы появились, вошли в колхоз. Принудили войти всевозможными штрафами, вплоть до того, что, ага, ты подходяше живёшь, значит, **наложали налог** чересчур. Ну вот, мучайся, мучайся, человек, плати, плати налоги, потом пойдёт в колхоз. В колхоз пойдёт, всё хозяйство **сдавали**. Трудна работа, тяжёло в колхозе*) и др. Кроме того, употребление подобного рода полифонических включений связано с задачами сугубо информативными, определяемыми тем, что адресатами всех исследуемых диалектных текстов в основном выступают их собиратели – представители инокультурной среды, жанром рассматриваемых сообщений является бытовой рассказ, темой – жизнь деревни в прошлом.

В полифонической структуре диалектного текста также активно проявляя себя «голоса» периодики советского времени, несущие сходные прототекстовые смыслы: *В войну, значит, лыжи **выпускали для фронта**. С фронта, значит, **шли вагоны с этим, с обмундированием** со старым, починяли его, стирали, в общем, пуговицы пришивали.*

Немаловажную роль в системе полифонических включений диалектного текста играют выражения книжно-поэтического характера. Их использование, в основном, связано с потребностью в передаче осмысленного и аксиологически обработанного в национальной среде культурного опыта. Особую роль здесь играет и суггестивная установка рассказчика, определяющая его стремление выразить свои мысли нетривиальным способом (*Плохая жизнь была. Сын у меня на войне был. В селе ни одного мужика не осталось. Трудно. **А пули жужжат...** // У деда даже **слезы выступают**. Шибко обижался за это на сноху. // Да как **мы вам завоевывали жисть эту!** Ох, милые... Страшно!). Подобным образом ведут себя в диалектном тексте полифонические включения, прототипической средой которых, вероятнее всего, является фольклор (*На Аляске золото, его много там. **На вечную каторгу был осужден**. Он попал туда. Не мог оттуда выйти. – вероятнее всего, лирическая песня, Вызывают в военкомат, уот, бронь накладывают, печать поставят, отправят. **Месяц и два, три дома живёт, опять вызывают** в военкомат. А потом взяли, усё – и с концом... – сказка, Ну завтра, завтра баню потопим – помоеся. **От грязи не треснешь – от чистого не воскреснешь!** – пословица).**

Определение несоответствия искомого фрагмента речевому арсеналу субъекта речи представляется возможным только при наличии полного представления о данном речевом арсенале, полученного в результате масштабного описания языковой личности. Так, в работе Е.В. Иванцовой [Иванцова, 1998, с. 69–79] выявлен ряд текстово не оформленных внутридиалектных элементов, представляющих лексику чужой речи в лексиконе языковой личности, выявленных дифференциальным способом.

Полифонические включения второго типа нельзя обозначить как диссонансные по отношению к основному тексту высказывания. Наоборот, их реализация в рамках данного дискурса воспринимается органично. Их особый текстовый статус определяется нагруженностью специфической информацией, которую они

приобретают в результате многоразового использования в данной речевой среде, ограниченной дискурсивными, социокультурными, индивидуально-личностными параметрами.

В первую очередь, к полифоническим включениям такого типа следует отнести фразеологизмы общерусские и собственно-диалектные по своей природе. Их культурная нагруженность многократно обсуждалась и не вызывает потребности в отдельном описании.

Рассмотрим некоторые случаи реализации «органичных» полифонических включений, являющихся носителями специфических «надтекстовых» смыслов.

Так, в диалектных записях 50-х – 70-х годов XX века в соответствующих текстовых единицах активно проявляется мотив неграмотности как значимая характеристика прошлого информантов пожилого возраста, причем такие проявления всегда сопровождаются модусом аномальности, ограниченных возможностей, что определяется социально обусловленной установкой на ликвидацию безграмотности (*Кедра. Бить орех. <...> На осьмом листе бумаги. Писаря, экзамен. Мои сверстники неграмотны. Тяжело!.. // Так неграмотна она была, не могла сама ничего...*). Отметим, что в связи с тем, что выражение «ликвидация безграмотности» обладает высоким уровнем проявленности в советском политическом дискурсе первой половины XX века, указанные полифонические включения можно рассматривать как текстовые знаки, обладающие двойной референцией.

Устойчивым «дотекстовым» содержанием обладает в рассматриваемом материале выражение *здоровья нет*, являющееся носителем информации о говорящем как о человеке пожилom (ср.: «я болею», употребляемое ситуативно любым носителем языка): *Раньше я много вязала. И теперь пряжа есть у меня, да здоровья-т нет, глаза шибко болят*. Использование данного полифонического включения сопровождается модусом невозвратимости здоровья, при этом его содержание всегда встраивается в знаковую оппозицию «раньше/теперь».

Возрастные характеристики информанта также входят в условия реализации таких полифонических включений, как *Ну что же вам про тадышнюю жизнь рассказывать?* // *Ох, девки мои, тяжелая жизнь тогда была...* Их реализация сопровождается модусом мудрости, знания жизни, актуальным в диалоге с молодыми, «не знающими жизни и живущими легко, без особых проблем». Как правило, подобные включения открывают жанр бытового рассказа, тема которого связана с событиями далекого прошлого, отличного от современности по набору социально значимых действий (как раньше работали, как жили в условиях оккупации, как строили отношения с официальными государственными структурами и т.п.). Интересно, что включения такого типа, в отличие от нагруженных этическими, эстетическими, семейно-бытовыми и под. смыслами, предваряют текстовую реализацию отмеченной выше оппозиции «раньше/теперь» с обратным аксиологическим вектором – «раньше хуже, чем теперь».

Разговорная речь современного города организует полифоническую структуру, имея приблизительно те же когнитивные установки, что и диалектная речь.

При этом если бытовая диалектная речь демонстрирует относительную целостность способов мироосмысления, определяющую единство их речевого представления, то городская речевая действительность сама по себе является средой неоднородной, и типология полифонических включений также разнится в зависимости, в первую очередь, от подтипа речевой культуры, определяемой составом говорящих (в рассмотренном материале имеются записи диалогов и полилогов представителей гуманитарной научной сферы, а также рабочих предприятий¹).

¹ Источником для анализа разговорной речи города послужили соответствующие сборники: [Русская разговорная речь, 1978; Живая речь, 1995; Русская разговорная речь Заполярья, 2002].

Главное, что отличает фиксируемые проявления речевой полифонии в городском бытовом дискурсе в целом, – высокий уровень отрефлексированности использования фактов диссонансной по отношению к результирующему тексту речевой среды: *...почему я здесь остался, потому что я там не работал, на материке, ну и подумал: «Какая мне разница, где быть, там или здесь, а чтобы вот так, как **север меня, ну, так, пленил**... да... нет... я вам говорю и могу сказать, и считаю, что в качестве туриста, или вот как вы – приехали и уехали – да, это можно, а вот чтобы жить здесь постоянно...*

Более того, представители городской речевой культуры регулярно вербализуют рефлексии по отношению к устойчивым внутридискурсивным полифоническим включениям («как говорят», «как говорится», «не зря говорится...» и под.), четко обозначая когнитивные установки апеллирования к коллективному опыту, что для диалектного бытового дискурса, как показывает материал, не характерно: *– Расскажите, почему в вашей бригаде остается много демобилизованных воинов? / – <...> Ну, и затем то количество воинов, которые попадают в бригаду, они сразу попадают, так надо сказать, ну, в такой объем внимания, что ли, или как там. В общем, их сразу **подхватывают как бы на руки**.*

В отличие от диалектной личности, представитель городской речевой среды находится в постоянном осознаваемом диалоге с текстовой средой «другого».

Среди полифонических включений первого типа – имеющих в качестве референции некоторую отличную от исследуемой прототекстовую среду и только через ее посредство апеллирующие к соответствующей культурной среде – в наибольшем количестве представлены проявления из официально-деловой сферы.

Приведем примеры отрефлексированных (1) и неотрефлексированных (2) полифонических включений из прототекстовой среды, определяемой как «канцелярит».

1. – *Расскажите, почему в вашей бригаде остается много демобилизованных воинов?*

– *<...> Ну, и затем то количество воинов, которые попадают в бригаду, они сразу попадают, так надо сказать, ну, **в такой объем внимания**, что ли, или как там. В общем, их сразу подхватывают как бы на руки.*

2. – *Вы не хотите отсюда уезжать? / – Пока нет. Если честно, я здесь уже привык, **жалоб нет**. // – А кем она работает? – В управлении (НРЗБ) – **Бумажки перебирает**? – **Бумажки**/ да// рублей двести двадцать получает//*

Следующий текст интересен тем, что в нем полифонические включения объединяются в определенную систему, реализующую в совокупности, по выражению Д.С. Лихачева, готовый способ говорения о предмете. Его автор добросовестно «наговаривает» для фиксации стандартным способом стандартный перечень фактов своей биографии: *В училище поступил, отучился, на столяра-мебельщика выучился, работал до армии столяром-мебельщиком на таганрогском мебельном комбинате. Потом был призван в ряды Советской Армии. После армии по комсомольской путевке работал в Москве на заводе имени Лихачева. Год отработал, а оттуда уже приехал сюда... Крутится... [о магнитофоне].*

Полифонические включения из художественно-поэтической прототекстовой среды, как и в диалекте, призваны обратиться к коллективному аксиологическому опыту, но в неотрефлексированном виде они фиксируются у носителей городской культуры значительно реже, чем в диалекте: *– Нужно учиться// – Ну а если ей это не надо? – Нет/ надо// – Зачем? Время/ **годы проходят**//*

В большинстве же случаев даже при формальном «растворении» поэтического источника в результирующем тексте включение сохраняет осознанный характер, передавая концептуальное содержание текста-источника. Так, в приведенном ниже случае обращение к широко известной в период фиксации результирующего текста песне придает особую патетику содержанию «новому» высказыванию: *Ведь любовь к городу, ну, что заложено в нас с детства, то, что называется*

родиной, то, что начинается «с картинки в твоём букваре». Но самое главное – это то, в чем есть частица твоего труда, частица твоего «я»...

Фольклорные полифонические включения входят в устную речь современного города также по несколько иной модели, чем в речь диалектную.

В первую очередь, отметим, это связано с тем, что сам современный фольклор как корпус эстетически переосмысленных текстов народно-речевой культуры претерпевает значительные изменения, и изменение прототекстовой среды уже приводит к изменению самого фактического состава полифонических включений. К.А. Богданов указывает на то, что «“отчуждение” от традиции превращает современный фольклор в процедуру <...> более или менее произвольного коллажирования, монтажа образов, стереотипов, формул, пришедших из различных письменных, устных, визуальных источников информации», в результате чего имеет место «информационная монополизация социального знания и вместе с тем отчуждение памяти о таком знании от самого человека, инкорпорирование ее в многообразие информационных составляющих повседневности» [Богданов].

Современная городская речевая среда при введении фольклорных полифонических включений демонстрирует большую дистанцированность от фольклорной культуры, чем диалектная. Это утверждение представляется особенно органичным как в связи с развитием постмодернистских тенденций современной культурной парадигмы, предполагающей речевое моделирование действительности как некоторую принципиально конструктивную, коллажированную среду, так и в связи с особенностями современного фольклора, субкультурно обусловленного, относительно жестко связанного с эстетическими и аксиологическими установками отдельного микроколлектива.

Фольклорные включения городской речевой культуры практически всегда осознанные, их введение в большинстве эксплицитно оформлено, когнитивные установки апеллирования к коллективному опыту четко обозначены: *Вот когда я стал, вступил, значит, с ним в этот разговор, стал интересоваться, откуда он приехал, зачем он приехал, зачем вот, когда, мне кажется, что люди говорят «за романтикой», то они, напротив, приезжают за... как говорят, «на север за длинным рублем». Да... Ну, а он говорит: «Вот такое у меня положение создалось, чисто семейное, такое материальное, и потому, ну, мне нужно было сюда приехать». Ну, я смотрю, значит, парень такой нормальный. // Отдыхать хорошо! Ну, и когда долго здесь не бываешь, то как, говорят, в гостях ни хорошо, хоть и на родине, ну, все-таки тянет сюда, к друзьям, на работу.*

Отмеченная выше специфика реализации фольклорных полифонических включений в городской речевой среде проявляется и в том, что говорящий в большинстве случаев сопровождает их номинированием фольклорного жанра, который он актуализирует: *[о магнитных бурях] ...я этим не интересуюсь, у меня, может быть, голова потому не болит, потому что если хочешь заболеть, выпииши «Здоровье», такая поговорка, вот или смотреть эту передачу, тогда все болезни будут твои...*

Приведенные выше примеры зафиксированы в речевой среде рабочих предприятий. Дистанцированность от фольклорной городской культуры проявляется в них достаточно отчетливо. Но еще более выраженной она оказывается в текстах, зафиксированных в системе бытового общения представителей гуманитарной научной сферы. Здесь реализация фольклорных полифонических включений определяется выраженным мотивом игры. Принципиальная неорганичность фольклорных смыслов создает особый эффект раскованности повествования, театрализации говорения.

Так, в приведенном ниже примере фольклорное паремиологическое включение не сопровождает оценочные характеристики объекта, усиливая их, а замещает их введением аксиологически нагруженного текста, «отработанного» в рамках данной субкультуры.

Г. – Он ушёл/ он ночует только когда у Наташки никого нет//
 Б. – Я помешала видно// ну ладно/ в следующий раз я буду уходить/ а вас буду оставлять//
 Г. – Он наверно Светка с таким настроем шел/ чуток переночевать//
 Б. – Да/ ну я помешала//
 Г. – А ты там оказалась//
 А. – **Так есть хочется что даже переночевать негде**//
 Г. – Переночевать/ переночевать негде/ не говори//
 Б. – Ну я в следующий раз буду уходить//

Выбор автором именно такого включения в результирующем тексте обусловлен во многом его словесной «перекличкой» с использованным ранее вне отрицательного модуса глаголом «ночевать», и далее – с аксиологически сориентированным выражением «чуток переночевать».

Анализ текстовой полифонии диалектного и городского бытового дискурса позволяет сделать следующие выводы.

1. Устный разговорный текст представляет собой полифоническую среду, переплавляющую в своей ткани множество разнообразных включений «чужих голосов», прочитываемость которых определяется конкретно-речевыми условиями коммуникации.

2. Полифоническая среда устного бытового дискурса обладает свойством полидискурсивности, определяемой социокультурными факторами.

3. Диалектная речь проявляет в системе полифонических включений достаточно целостный способ мироосмысления, полифонические включения используются носителями диалекта, в основном, как органичная составляющая коммуникативного процесса, отсюда легкость переключения, «растворение» границ включения. Представители городской речевой культуры находятся в постоянном осознаваемом диалоге с иноречевой средой, демонстрируя высокий уровень от-refлексированности использования «чужого голоса».

4. Развитие цитатных когнитивных установок соответствует развитию постмодернистской культурной парадигмы. «Интеллигентская» культура при осуществлении текстовой полифонии демонстрирует установку на речевую игру, регулярно реализуя тактику самопрезентации.

Литература

- Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994.
 Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
 Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986.
 Богданов К.А. Прецедентные тексты в современном фольклоре // <http://www.ruthenia.ru/folklore/bogdanov1.htm>.
 Живая речь уральского города. Тексты. Екатеринбург, 1995.
 Иванцова Е.В. Мир личности в прецедентных текстах // Проблемы лексикографии, мотивологии, дериватологии. Томск, 1998.
 Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. М., 2004.
 Русская разговорная речь. Тексты. М., 1978.
 Русская разговорная речь Заполярья: Норильск. Тексты. СПб., 2002.
 Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Благовещенск, 2005. Вып. 3.

Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Благовещенск, 2006.
Вып. 4: Амурское старообрядчество: речевые портреты. Речевые жанры. Словарь.
Язык фольклора.

Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Благовещенск, 2007.
Вып. 5: Амурское старообрядчество: речевые портреты. Речевые жанры. Словарь.
Язык фольклора.